

Не иначе как я забыл свериться с лунным календарем перед выходом. Надо же было так вляпаться — встретить чертового медведя! Откуда вообще зверье в горах Священных Врат? Сяо Цао и Сяо Хуа прекрасно знают, что я лишился памяти и не помню здешних порядков. Почему ни одна живая душа не предупредила, что по этим лесам нельзя разгуливать без дела? Медведи у них тут, видите ли. Так, чего доброго, еще тигры с леопардами объявятся.

Впрочем, мысленно ругаться было некогда. С покалеченной ногой далеко не убежишь, а с моей нынешней скоростью этот косолапый настигнет меня в два счета. Проклятье. Уж лучше бы я помер как-нибудь по-человечески, спокойно, а не под когтями дикого зверя едва оправившись от прежних ран. Что за нелепая, позорная смерть? Каждая следующая краше предыдущей!

Позади раздался яростный, оглушительный рев — зверь нагонял.

Я бежал без оглядки, наослеп продираясь сквозь заросли. Изувеченная левая нога взрывалась острой, невыносимой болью при каждом шаге, будто плоть едва держалась на кости. На лбу выступил холодный пот, но выбирать не приходилось: я рвался вперед из последних сил. Здоровая правая нога делала широкий толчок, левая судорожно подтягивалась, волочась следом, а правая снова толкала тело вперед.

Я никогда в жизни так позорно не спасался бегством.

«С каких это пор я, Чоу Тяньгэ, превратился в такое жалкое зрелище? Бежать без памяти от лесной твари... Какое убожество».

Острый порыв ветра свистнул у самого затылка, обдав кожу ледяным дыханием смерти. Я невольно вздрогнул. В следующую секунду меня, словно сухой лист, швырнуло вперед. Пролетев несколько чжанов, я покатился по земле, сминая траву, и влетел напрямик в персиковый сад. Вокруг вихрем взвились розовые лепестки.

По шее потекло что-то теплое. Наземь закапала кровь, окрашивая сухую почву в багровый цвет. Затылок обожгло болью. Еще бы вершок — и медведь снес бы мне голову одним ударом лапы.

Персиковый сад рос густо. Деревья стояли близко друг к другу — для меня лазейка, а вот туше разъяренного зверя здесь развернуться было трудно. Стиснув зубы, я вскочил на ноги и бросился в самую чащу. Затылок взмок, кровь сочилась без остановки, но насколько серьезна рана, я судить не мог.

Пользуясь тем, что медведь застревал между стволами, я бежал сломя голову. Костыль давно потерялся, левая нога онемела от боли.

— Помогите! Спасите! Кто-нибудь, на помощь! — во весь голос орал я, срывая связки. Позади уже явственно слышалось жаркое, прерывистое дыхание зверя.

С треском и грохотом рушились персиковые деревья — обезумевший хищник крушил все на своем пути. На землю дождем сыпались розовые цветы. Красивое, должно быть, зрелище, да только любоваться им было некому.

Я закашлялся. В глазах потемнело — видимо, из-за потери крови. И зачем Священным Вратам такие непомерные угоды? В огромном лесу ни души. Неужели сегодня мой земной путь прервется здесь?

Пока я мысленно прощался с жизнью, перед глазами поплыло. Должно быть, от кровопотери начались видения: сквозь пелену я различил фигуру, спускающуюся с небес. словно легкое облако, незнакомец бесшумно скользил по воздуху прямо ко мне. Мужчина, чье лицо скрывало колыхание бесчисленных розовых лепестков.

— Тварь бессловесная, уймись.

«Облако» проплыло прямо над моей головой. Услышав этот голос, я наконец облегченно выдохнул и прислонился к шершавому стволу персика, чтобы перевести дух. Слава небу, хоть кто-то пришел на выручку. И кем бы ни был этот избавитель, он явно из Священных Врат — ведь ругательство «тварь» предназначалось точно не мне, беззащитному калеке.

Медведь взревел. Его налитые кровью глаза горели первобытной яростью. Я попытался рассмотреть своего спасителя, но увидел лишь безупречно прямую, высокую спину. Длинные черные волосы струились по ней мягким шелком.

«Должно быть, они очень приятные на ощупь», — отрешенно подумал я.

Прижавшись к дереву, я замороженно наблюдал, как чудовищная когтистая лапа заносится над головой незнакомца. Сердце испуганно екнуло.

«Почему он не защищается? Ждет, пока его в лепешку размажут?»

Прежде чем я успел додумать эту мысль, раздался глухой удар. Огромная туша рухнула на землю, словно подкошенная скала. Земля содрогнулась с такой силой, что ствол, на который я опирался, задрожал. С ветвей лавиной хлынули нежно-розовые цветы, устилая все вокруг живым ковром.

Сквозь сплетение ветвей пробивались косые золотисто-оранжевые лучи угасающего солнца, рисуя причудливые узоры на мягкой земле. Воздух наполнился едва уловимым, сладковатым ароматом персикового цвета. В этом теплом предзакатном свете, окутавшем его плечи и темные волосы сияющим ореолом, мужчина медленно обернулся. В его тихом голосе прозвучали едва заметные нотки участия:

— Ты в порядке?

Много лет спустя я все еще возвращался мыслями к тому дню, пытаюсь разгадать: действительно ли тогда в его голосе прозвучала забота, или же он был привычно холоден и безучастен? Быть может, мне просто почудилось.

В конце концов, моя голова тогда была стянута плотной повязкой из белой марли. Да и разглядеть его лицо в сиянии заходящего солнца было трудно. Одно я знал наверняка — он был прекрасен.

В ту далекую весну в персиковом саду сошлись трое: раненый я, свирепый зверь и этот человек.

<http://bllate.org/book/18233/1749782>